

Оправдание науки

Нам пришлось судьбой истории вести нашу научную работу в эпоху величайшего потрясения. Это потрясение отразилось особенно тяжело на областях разбитого Русского государства. Наше будущее темно и неясно. Возможности его безгранично разнообразны и почти противоположны. Никому не дано в удел их предвидеть; никто не может знать, к чему приведут нас ближайшие не только годы, но даже месяцы. Мы даже не знаем, какие формы окружающей нас жизни сложатся в конце мирового столкновения, и как долго приходится ждать этого конца? Месяцы или годы?

В таких условиях приходится нам на Украине определять свою деятельность, в туманном и неясном искать прочных основ, незыблемых точек опоры, независимых от того, как долго продлится кризис, чем он закончится. Есть ли для нас такие незыблемые точки опоры, или искание их является пустой мечтой?

Мне кажется, что такие точки опоры для нас, натуралистов, не только могут быть найдены, но они неопровержимы, если только мы задумаемся в совершающееся. Эти точки опоры совершенно независимы от тех или иных форм государственной и общественной жизни. В своих основах они одновременно являются проявлением общечеловеческих идеалов и в то же время теснейшим образом связаны с самыми насущными национальными и государственными потребностями, широко и глубоко понимаемыми.

Существование этих точек опоры вызвано тем, что мы ищем их в тесной связи с вечными и неизменными научными задачами и научной работой, нам дорогими, что мы в вихре сменяющихся настроений жизни являемся, прежде всего, научными

деятелями. При этом мы являемся натуралистами, т.е. теснейшим образом связаны с теми областями знания, которые имеют своей задачей изучение Природы, столь далекой по существу от случайных судеб человечества и столь великой, что величайшие — мировые события жизни человечества не нарушают ее бытия и не отражаются на ее лице, ее не затрагивают.

Каковы же эти опоры нашей деятельности в катастрофических событиях мировой истории и переживаемого нами великого развала? Мне кажется, что они могут быть сведены к немногим основным положениям, которые, раз признанные, помогут стойко направлять нашу деятельность, поставят ей ясные цели в общей разлуке и в общем крушении.

Я постараюсь дать этим основным положениям, направляющим нашу деятельность, самое общее, независимое от переходящих интересов дня и окружающей нас среды определение, связанное с моральными основами нашего сознательного отношения к жизни. Но необходимо отметить сейчас же, что это определение целиком отвечает тому выражению жизненных целей, какое получается, если подойти к их исканию, исходя из других, кажущихся мне сейчас общими и менее глубокими, стремлений, связанных с социальными, национальными и государственными переживаниями. Этот вывод связан с особенностями научной работы человечества. Мы увидим здесь то, что так ярко выразил в своем проникновенном анализе науки — главным образом той науки, которой корни в Космосе, в Природе, — один из величайших мыслителей — натуралистов последнего времени — Пуанкаре. Пуанкаре угадал, что истина в наших областях знания, охватываемых математическим ана-

лизом и логикой символов, многообразна. Одно и то же может быть выражено в виде нескольких, на первый взгляд различных, законов, в действительности отмечающих разные стороны одного и того же явления. Но мысль Пуанкаре не охватывает все области проявления научной работы в творящем ее человеке. Человек в научном творчестве не только получает научную истину и этим создает науку, влияет на свою жизнь и свое мировоззрение, живет наукой. Он живет наукой при самом процессе научного творчества и научной работы. И в оправдании и в объяснении этого процесса научного творчества, в сознании его необходимости и важности для жизни, в его значении для цели жизни мы видим другую форму указанного Пуанкаре многообразия научной истины. Мы видим, что многообразие — достижение одного и того же, исходя из разных, казалось бы противоположных, построений, — касается не только законов Космоса, не только получаемого натуралистами результата, но касается и тех поводов, которые заставляют нас, натуралистов, стремиться к достижению истины изучением Природы — мотивов нашей научной деятельности.

Я думаю, что совпадение двух сторон научной работы — процесса и достижения — не есть случайность. И в том и в другом случаях выражение единого в многообразных, на первый взгляд, ничего общего не имеющих между собой, формах связано с Космосом, с характером науки. В различных формах научных законов мы видим выражение одной и той же научной истины, в различных оправданиях научной работы как цели жизни мы видим проявление единой науки как всем обязательной единой формы искания научной истины.

И поэтому здесь мы встречаемся, может быть, с единственным случаем в области моральных ценностей, где может быть получено непреложное, почти

достоверное оправдание нашего поведения, цели жизни.

В старинном прекрасном мире, ярко захваченном в художественном воссоздании Лессингом, свободно и глубоко мыслящий мудрец Натан проводит мысль, что каждая религия может захватывать в своем различном содержании зерно одной и той же истины или одинаковым образом ее не иметь. В науке, в многообразном выражении одного и того же явления, мы имеем всю истину, этому явлению свойственную.

Наука дает нам возможность найти незыблемую и прочную опору жизни не только в своих результатах, достижениях научной работы, но и в самом процессе научной работы, в вызванных научными исканиями построениях нашего жизненного пути. Для этого мы должны научной мыслью охватить сам процесс научной работы, поставить в научном обосновании вопрос о ее целях и ее задачах.

Итак, для чего и почему мы ведем научную работу и как должна меняться наша научная работа в вихре политических, социальных, национальных потрясений? Должна ли она вообще меняться?

Я думаю, что она меняться не должна. Ее задача глубже и шире. В изменчивом бурном потоке переживаемой нами мировой катастрофы, где, как щепка, несется человек и где рушились и пошатнулись вековые и новые устои, наш устой — научная деятельность — остается нетронутым. Пошатнулись и требуют пересмотра и изменения из глубины веков подымающиеся выражения задач человеческой деятельности, даваемые религией; пошатнулись и требуют пересмотра и изменения создания новых веков, еще недавно казавшиеся столь могучими идеалы различных форм социализма и социальных учений, но остались прочными и не сдвинулись с места, выросли и углубились в буре и натиске те цели жизни, какие наука дает

своим служителям. Эта точность в нати-сках бури нашей жизни научной работы среди крушения и изменения других це-лей жизни заставляет всех, кто стал в ряды научных работников, крепче, смелее и ре-шительнее идти по выбранному ими пути искания научной истины — как по пути, оправданному жизнью.

Мы должны сейчас ясно сознавать, что в трудный момент — общего крушения и пересмотра устоев жизни — мы сохрани-ли свой устой незыблемым и нетронутым. Жив и силен наш устой. Он оправдан же-стокой пробой переживаемого времени.

Но не только он оставлен неруши-мым. Оправдалась и его моральная цен-ность. Ибо и теперь среди катастрофы неизменно можем мы ответить по-прежнему на вопрос, который ставит нам наше сознание, о моральной ценно-сти научного творчества. Для чего нужна научная работа, чем оправдывается науч-ная деятельность?

На эти вопросы, т. е. на вопросы о научной работе как цели жизни — в об-щих и широких чертах — в зависимости от моральных типов человеческой лич-ности, человечество дало три ряда и типа ответов. Жизнь имеет ценность как ис-кание истины, достижение наибольше-го проявления человеческой личности, ее блаженства или ее раскрытия. Жизнь человека имеет значение как облегче-ние страданий окружающих, служение ближнему, проявление чувства люб-ви и сострадания. Наконец, третья — жизнь имеет значение как проявление нравственного закона справедливости, устройства жизни личности в обществе, построенном на нормах нравственного закона. В науке и религии, в философии и социальных исканиях мы видим про-явление этих трех различных попыток оправдание жизни, и только этих трех.

Несомненно, в смене веков в челове-ческом сознании не раз будут меняться в

дальнейшем формы ответа на эти вопро-сы. Но сейчас, в данный момент, когда пошатнулись другие устои жизни, оста-лись нетронуты оправдания необходи-мости научной деятельности во всех трех возражениях целей жизни.

Мне нет надобности после того, что сказал, касаться значения научной ра-боты как цели искания истины. Этот индивидуальный ответ ярко связан с не-изменностью значения науки в общем сознании в эпоху крушения и колебания других устоев жизни. Он оправдан жи-знью тех, кто в этом искании видит цель жизни. Очевидно, они должны и дальше идти тем же путем.

Но я хочу в немногих словах остано-виться на двух других формах выраже-ния целей жизни — на альтруистическом оправдании ее как проявления любви и сострадания и на социальном оправда-нии ее как нравственном законе.

Есть ли сейчас в нашем распоряже-нии большая сила помочь человечеству в его бедствиях и страданиях, чем сила на-учного знания?

Есть ли другая, более быстрая форма установления жизни на нравственном за-коне, чем научная работа в человеческом обществе, расширение знания и силы на-уки, более мощная ее общественная ор-ганизация? Можем ли мы каким-нибудь другим путем скорее и быстрее подойти к этим задачам, чем научным исканием, углублением в Природу, выявлением ее законов и овладением ее силами — на-правлением их на пользу человечества?

Я помню в дни моей молодости го-рячие споры о том, как скорее и лучше подойти к избавлению человечества от горя, нищеты, страданий. Путем соци-альной революции и установления соци-алистического строя — отвечали одни. Путем увеличения общего богатства по-работанием новых сил Природы, по-знанием Природы и человека — отвечали

другие. Жестокою пробую первого ответа дала переживаемая социальная революция. Совершился великий социальный опыт, и он дал такой ответ, такое разрешение спора, которое не рисовалось в самых фантастических предположениях и критике защитников научного искания как средства борьбы со страданиями человечества и несправедливостями социального строя. И в то же время жизнь не тронула идеалы научных работников, искавших в науке не только научную истину, но и орудие любви и социальной справедливости. Правда, этот путь как был, так и остался долгим. Невольно мысль переносится в прошлое, к биографиям социальных мыслителей и творцов науки. Чей жизненный путь оправдан жестоким опытом жизни? Ответ ясен, и передо мной встает образ того ученого, в жизненных научных исканиях которого ярко блистал элемент любви и сострадания, образ Пастера как человека, указавшего в то время, о котором я говорю, путь, сейчас оправданный историей. Я знаю, что в вечно меняющейся смене событий могут наступить новые искания и сомнения человечества в правильности его пути, но тогда задачам научной работы как любви к человечеству будут противопоставлены не социалистические идеалы нового строя, а что-нибудь новое, еще не осознанное. Сейчас другой путь на время отпал. Остался один путь, тот, который указал Пастер, а не тот, по которому шли длинные ряды лучших людей старого поколения России — русские и украинцы, немногие из которых имели несчастье дожить до крушения жизненным опытом идеалов своей жизни, своей молодости.

Таковы, кажется мне, те основания, которые дают нам прочную опору, дают ясную цель жизни и деятельности в эпоху мирового кризиса. Цель эта — напряженная, непрерывная исследовательская работа.

Я пытался обосновать ее, как мы видели, очень общими и на первый взгляд далекими от конкретных условий украинской жизни моральными положениями. И мне хочется в нескольких словах, прежде чем идти дальше, в этом оправдаться. Я сделал это именно потому, что думаю, что именно теперь, в эпоху огромного мирового кризиса, мы не должны порывать с общими, самыми основными задачами жизни, должны их иметь всегда перед глазами, должны коренным образом передумать основы нашего мирозерцания, нашего поведения, должны беспощадно критически, ни перед чем не останавливаясь, пересмотреть, чем мы жили, отбросить все, что разбито жизнью.

Именно теперь, в эпоху жестокой социальной и национальной борьбы, мы должны всегда помнить и ставить впереди общечеловеческие мотивы нашей жизни и нашей деятельности. Должны обращаться к общему, а не к частному. Именно теперь все самые основные, самые общие вопросы человеческого бытия, вечные загадки жизни должны быть живы в обществе, не сходить с поля его зрения, иначе перед нами будет путь морального падения, яркий пример которого дали нам народ и наше общество.

Мы не должны быть в это время филистерами и не должны бояться касаться этих вопросов и тех задач, которые в нормальное время считаются решенными и уходят из широкого обсуждения практических деятелей.

Но не только поэтому я смог пойти по не привычному для съезда натуралистов и отвлеченному пути изменения линии нашего поведения. Я смог пойти по нему потому, что мы пришли бы к тем же самым выводам, если бы подошли к определению задач жизни, стоящих перед нами как перед натуралистами, исходя из других соображений — из госу-

дарственных потребностей Украины или из требований украинской или русской культурной жизни.

В этом едином выводе при разных исходах, положенных в основание, и заключается многообразие моральной ценности научной работы. В этом особенность и, если хотите, своеобразная красота научных занятий как целей жизни.

Я не буду здесь это доказывать, ибо в течение съезда в дальнейшем нам на каждом шагу придется с этим сталкиваться: во всех докладах, здесь объявленных, мы увидим яркое проявление правильности этого положения.

Я пройду теперь к конкретному следствию из общих положений, нами полученных, — к вопросу о том, каким путем лучше и сильнее осуществить здесь, на Украине, широкую постановку научной творческой и исследовательской работы ее научных работников.

Ибо раз только научная работа в текущий момент властно выставляется жизнью как такая цель жизни, которая имеет себе величайшее оправдание, совершенно не зависимое от событий, самих впечатлений дня, то, очевидно, мы должны поставить эту деятельность в условия, в которых она могла бы развиваться и проявиться, наиболее широко, глубоко и разнообразно.

Научная деятельность общества и государства складывается сейчас из: 1) личной творческой работы, великой или малой — безразлично, отдельных людей, 2) из организации научной работы многих, 3) из создания центров и орудий научной работы — библиотек, музеев, лабораторий, исследовательских институтов.

Несомненно, в научной деятельности личная научная творческая работа, свободная и ничем не связанная, кроме личных вкусов и понимания науки, является основной ее чертой. Без нее нет научной деятельности. Научная работа

— наряду с художественным творчеством — есть одно из самых ярких проявлений человеческой личности, ее индивидуальности. Целые века наука только и жила этой свободной самостоятельностью личностей.

Но жизнь усложнялась, и сила науки росла. Росло и ее государственное значение. А с этим вместе менялась форма ее общественной организации. При сохранении свободы и независимости личного творчества, умирающего со смертью особи, создавались организации научной работы, охватывавшие отдельных научных работников, их объединявшие, длительность работы которых распространялась на поколения составляющих их особей.

Эти организации научной работы являются сейчас самыми мощными орудиями научной работы. Каждый из нас сейчас в сложности современной жизни не может и не должен являться одиноким работником. В современном обществе с его сложным бытом и социальной организацией, давящей на личность на каждом шагу, мы не можем являться распыленными единицами, мы должны сами сплотиться в мощную организацию, создать социальную организацию научной работы.

Когда перед натуралистами в XX веке стоит вопрос, как быстрее и сильнее, мощнее двинуть научную работу, овладеть в наибольшей степени силами Природы, проникнуть в ее тайны, у него может быть только один ответ — надо создать мощную социальную организацию науки.

Эта организация науки на Украине, очевидно, должна быть возможно наибольшей, обладать возможно наибольшей силой и влиянием на жизнь и на общественную и государственную деятельность. Для этого она должна охватывать всех натуралистов Украины и все имеющиеся на Украине центры научной работы. Совершенно ясно ставится необходимость двух форм такой организации.

С одной стороны, необходимо, чтобы сплотились все натуралисты, образовав общую Ассоциацию естествоиспытателей Украины. Задачи и формы этой Ассоциации ясны, и я не буду на них останавливаться. Здесь, в Киеве, более пятидесяти лет тому назад по идее Кесслера и группировавшихся вокруг него лиц, началось создание русских съездов естествоиспытателей, которые не могли вылиться в форму ассоциации только благодаря тяжелым политическим условиям старого режима. Борьба съездов за ассоциацию велась с перерывами более 50 лет, и только перед самой революцией вопрос наконец получил благоприятное разрешение. Может быть, именно вследствие отсутствия связывающей их ассоциации съезды не вошли в русскую жизнь так, как они вошли в жизнь в Западной Европе или в Северной Америке. Надо думать, при создании Украинской ассоциации естествоиспытателей съезды получают то значение в жизни Украины, какое они должны иметь. Задачи Ассоциации ясны: 1) связать в одно целое всех натуралистов Украины на всей ее территории, 2) для этой цели созывать их съезды, общие и частные, 3) всеми силами способствовать

и помогать научной работе на Украине, 4) защищать интересы науки, 5) устанавливать тесную связь между научными деятелями и народом и обществом. Так как формы ассоциации ясны и понятны и в могучих ассоциациях Великобритании и Северной Америки мы имеем готовые типы, к которым присоединяются менее мощные такие же организации Франции, Германии, Южной Америки и т. д., то я не буду на этом останавливаться.

Но ассоциации этого типа, возникшие в четвертой половине XIX века, не являются достаточными для социальной организации науки XX века. Теперь должны быть созданы новые типы ученых союзов, ибо сейчас значение науки в жизни и сознании, цели, которые ей ставятся в государственном и социальном строе, несравнимы с теми, что имелись в виду, когда вначале 1830-х гг. создавался первый устойчивый тип ассоциации естествоиспытателей – Британская ассоциация споспешествования науке.

Мне кажется, что сейчас везде, и на Украине в особенности, воздвигается другой тип ассоциации – Союз ученых учреждений такого рода... [на этом рукопись обрывается – Ред.].

[Первые числа августа 1918 г.]

Архив РАН, ф. 518, оп. 4, д. 108, л. 1–11.